

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.13
ORCID ID 0000 – 0003 – 0344 - 0573

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ ГИРЬКО,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России

УНИФИЦИРОВАННОЕ ДОСУДЕБНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В РОССИИ – ДОЗНАНИЕ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ: НАУЧНЫЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

4 марта 2013 г. фактически после 15-летнего перерыва в российское уголовно-процессуальное законодательство было возвращено унифицированное досудебное производство в виде процессуальной формы с названием «Дознание в сокращенной форме». Это произошло впервые после настойчивых многолетних требований МВД России в лице специализированных подразделений дознания – основных субъектов ускоренного досудебного производства, которыми, по данным статистики, осуществляется более 95 % всех досудебных производств по ускоренной процедуре. На этапе принятия данной новеллы значительное число ученых высказывали скептические оценки нововведения, как предъявляя претензии теоретического характера, так и делая неутешительные прогнозы практического использования введенной модели. По прошествии 5 лет логичным было бы оценить качество законодательной инициативы пятилетней давности и с точки зрения научных подходов, и с позиций сложившейся практики применения ускоренного дознания. Кроме того, вполне уместно проанализировать российскую модель дознания в сокращенной форме через призму зарубежной практики ускоренных досудебных производств, опыта Российской империи.

Сделан вывод о том, что досудебное производство в ускоренной форме с каждым годом все в большей степени осваивается полицейской практикой, достигнув по итогам 2018 г. немногим менее 28 %, неравномерно распространяясь по регионам Российской Федерации. В основе такой неединообразной практики лежат, прежде всего, причины не теоретического, а организационного характера. Более того, модель дознания в сокращенной форме, регламентированная УПК РФ, в значительной мере соответствует международным аналогам, стандартам.

Ключевые слова: дознание в сокращенной форме, международные стандарты полицейского дознания, ускоренное досудебное производство, модель ускоренного дознания, организационные меры МВД России, масштабы применения ускоренного дознания.

S. I. Girko, RF Honorary Scientist, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Chief Researcher of Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia; ORCID ID 0000 – 0003 – 0344 - 0573; e-mail: syvorina959134@mail.ru, tel.: 8 (495) 982-18-81.

Inquiry in abbreviated form: the theoretical and organizational problems

On March 4, 2013, after a 15-year break, the unified pre-trial proceedings in the form of a procedural form called «Inquiry in a shortened form» were returned to the Russian criminal procedure legislation. It happened for the first time after persistent long-term requirements of the Ministry of internal Affairs of Russia in the person of specialized departments of inquiry – the main subjects of the accelerated pre-trial production which according to statistics is carried out more than 95 % of all pre-trial productions on the accelerated procedure. At the stage of the adoption of this novel, a significant number of scientists expressed skeptical assessments of the innovation, making claims of both theoretical nature and disappointing forecasts of the practical use of the introduced model. After 5 years, it is quite acceptable to assess the quality of the legislative initiative five years ago, both in terms of scientific approaches, and from the standpoint of the current practice of accelerated inquiry. In addition, it is appropriate to analyze the Russian model of inquiry in a shortened form through the prism of foreign practice of accelerated pre-trial proceedings, the experience of the Russian Empire.

The author comes to the conclusion that the practice of pre-trial proceedings in an accelerated form every year is increasingly mastered by the police practice, reaching at the end of 2018 a little less than 28 %, unevenly spreading across the regions of the Russian Federation. At the heart of such a non-uniform practice are, first of all, the reasons are not theoretical, and organizational properties. Moreover, the model of inquiry in a shortened form, regulated by the code of criminal procedure, largely corresponds to international analogues, standards.

Key words: inquiry in the reduced form, the international standards of police inquiry, the accelerated pre-judicial production, model of the accelerated inquiry, organizational measures of the Ministry of internal Affairs of Russia, scales of application of the accelerated inquiry.

С принятием нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) упрощенная и ускоренная форма досудебной подготовки материалов фактически, перестала существовать. Тем не менее, инициативные разработки отечественных ученых-процессуалистов, предлагающие различные подходы к унифицированной форме оформления материалов о преступлениях, продолжали вноситься в Правительство Российской Федерации, законодательные органы государства. И, наконец, Правительство и законодатель поддержали предложения, внесенные правоохранительными органами и согласованные с соответствующими структурами Администрации Президента Российской Федерации.

Напомним, что начиная с 1998 г. в Российской Федерации по инициативе судебной системы была прекращена во многом оправдавшая себя практика применения протокольной формы досудебной подготовки материалов. В целом ряде практических органов дознания милиции, осуществлявших протокольное производство, доля таких материалов от общего числа оконченных уголовных дел доходила до 50 %. Именно этот вал материалов в протокольной форме, поступающий от дознавателей, фактически парализовал судебную систему, в конце 90-х годов оказавшуюся не готовой к такому резкому увеличению нагрузки.

Теперь уже более пяти лет в российском уголовном судопроизводстве действует унифицированная процессуальная форма расследования уголовных дел, введенная в судопроизводство Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ, которым в УПК РФ была введена глава 32.1 – «Дознание в сокращенной форме».

Как ситуация с распространением опыта расследования дел в форме дознания в сокращенной форме выглядит сегодня? Мы все проблемы, сложившиеся вокруг дознания в сокращенной форме, рассматриваем в двух аспектах: организационные сложности, возникающие в практике применения унифицированного дознания, а также теоретические проблемы, которые могут быть вызваны определенной неадекватностью правовой регламентации процессуальной процедуры.

Несмотря на очевидность передачи законом в руки практических работников требуемого ими «инструмента», позволяющего достаточно эффективно справляться с существенным объемом несложных по конструкции состава, очевидных и неопасных преступлений, в научной литературе продолжается дискуссия о восприятии дознания

в ускоренной форме как самостоятельной процессуальной формы, введенной в российский уголовный процесс.

Наиболее доступно мнение противников сокращенной формы дознания выразил А. А. Сумин, который считает, что данную унифицированную процессуальную форму вызвал к жизни «необузданный и, главное, не обусловленный потребностями практики реформаторский зуд» и то, что УПК РФ и без того перегружен «особенностями производства» и «исключениями из правил» [12, с. 6].

Пожалуй, со вторым утверждением указанного автора трудно не согласиться, а вот его ссылка на потребности практики, мягко выражаясь, вызывает недоумение, поскольку именно огромное количество несложных и очевидных дел в производстве дознавателей полиции, отвлекающее их от качественного расследования преступлений с более сложным составом и большим числом эпизодов криминальных проявлений, а также соучастников, требовало от МВД России постоянно ставить перед законодательными органами России вопрос о необходимости введения в уголовное судопроизводство унифицированной процессуальной процедуры по аналогии с протокольной формой досудебного оформления материалов о преступлениях.

Другой исследователь проблем досудебного производства Е. А. Доля указывает, что «мотивы введения дознания в сокращенной форме в таком виде остаются до сих пор неясными» [9], а С. М. Бадоян, к примеру, обнаруживает в ускоренном дознании «наличие уголовно-процессуальных норм, не соответствующих современным правовым реалиям» [1].

Следует отметить, что нами также вскоре после введения в УПК РФ главы о дознании в сокращенной форме высказывались определенные прогнозы, в том числе и скептические, по целому ряду особенностей принятой законодателем процедуры [8]. Проведенные позднее исследования, связанные с международными стандартами ускоренного досудебного производства, наработанными в государствах как континентальной, так и англосаксонской систем права, показали, что введенная в российский уголовный процесс унифицированная форма досудебного производства во многом им соответствует. Однако присутствуют и отличия, которые, на наш взгляд, являясь громоздкими, снижают эффективность использования на практике дознания в сокращенной форме.

В частности, в этом плане следует обратить внимание на требование закона об обязательном

ходатайстве подозреваемого о производстве по делу дознания в сокращенной форме. Между тем никаких затруднений внешне сложная процедура, регламентированная законом, на практике не вызывает. А зарубежная практика также исходит из добровольного согласия виновного на ускоренное производство по делу.

Другая проблема, вызывающая дискуссии в научном сообществе, касается вопроса о проведении дознания в ускоренной форме в отношении конкретного лица и при условии признания им своей вины. По мнению А. Р. Белкина, это «представляется странным» [2], а Б. Т. Безлепкин, к примеру, считает, что «подобная формальная трактовка закона ограничивает права и возможности подозреваемого» [4]. Высказано также и мнение, что решение вопроса о возбуждении дознания в ускоренной форме «зачастую находится в рамках усмотрения правоприменителя» [3].

Мы между тем в проведении дознания в ускоренной форме в отношении конкретного лица ничего странного не видим. Более того, унифицированная процедура дознания потому и применяется с различными упрощениями и разумными отступлениями от классического, традиционного предварительного следствия, что преступление является очевидным, причастность к нему конкретного лица не вызывает сомнений, она исходит из процессуальной экономии.

Выражая свое отношение к проблеме, Б. Т. Безлепкин совершенно обоснованно считает, что «признание подозреваемым своей вины имеет особое значение среди законных условий производства дознаний в сокращенной форме и образует главную предпосылку для сотрудничества подозреваемого с дознавателем и для сокращения объема процессуальной деятельности по доказыванию» [4, с. 318].

Увязка законодателем вопроса о возможности возбуждения дознания в сокращенной форме с ходатайством подозреваемого нами также ранее воспринималась критически. Как представляется, данное процессуальное действие не должно быть связано с мнением лица, совершившего преступление и избалованного в этом. Такое решение, с нашей точки зрения, должно являться исключительно результатом усмотрения дознавателя с учетом всех обстоятельств дела: его очевидности, незначительной тяжести, признания подозреваемым своей вины и достоверности этого, характеристики личности виновного. Никакие иные обстоятельства влиять на принятие решение о возбуждении дознания в сокращенной форме не должны.

Полагаем, что процессуальное решение о возбуждении дознания в сокращенной форме не должно зависеть от индивидуального восприятия обстоятельств преступления другими субъектами. Оно должно быть основано исключительно на усмотрении лица, производящего дознание.

В среде ученых-процессуалистов достаточно широко дискутируются и проблемы, связанные с доказыванием.

Прежде всего, конечно, ставится под сомнение предмет доказывания (объем доказательств, подлежащих в обязательном порядке собиранию по делу), который законодателем сформулирован, с нашей точки зрения, достаточно конкретно: «в объеме, достаточном для установления события преступления, характера и размера причиненного ущерба, а также виновности лица в совершенном преступлении».

В то же время, по мнению Б. Т. Безлепкина, «сужение предмета доказывания при осуществлении сокращенного дознания по сравнению с общим перечнем обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии со ст. 73 УПК, не выглядит достаточно обоснованным» [4, с. 316].

Хочется напомнить, что в данном случае речь идет о преступлении с упрощенной конструкцией состава преступления, очевидном, при котором чаще всего лицо, его совершившее, задержано, как правило, на месте преступления или вскоре после его совершения, когда это очевидно и не представляет значительной общественной опасности. В данном случае все, включая процедуру доказывания, исходит также из принципа процессуальной экономии.

Между тем нельзя также и не учитывать международную практику ускоренных процессуальных производств, процедур полицейского расследования, принятых и эффективно действующих в зарубежных странах, где очевидность преступления, признание подозреваемым своей вины и ее достоверность, согласие виновного на досудебное производство в формате ускоренной процедуры являются определяющими при принятии решения об упрощенном судопроизводстве по конкретному факту. Эти обстоятельства подтверждают и результаты исследования, проведенного А. Г. Волеводзом и П. А. Литвишко [6].

Пределы доказывания, процесс доказывания как элементы системы работы с доказательствами при производстве дознания в ускоренной форме законодателем также индивидуализированы. С нашей точки зрения, они вполне обеспечивают возможность применения данной процессуальной формы в практике органов дознания. Кроме

того, они во многом соответствуют практике работы по доказыванию за рубежом, получившей обобщенное наименование полицейского дознания.

Однако не все специалисты в области уголовного процесса разделяют изложенный подход к проблеме. В целом ряде случаев высказываются противоречивые и даже взаимоисключающие позиции. Так, к примеру, Ю. В. Францифоров определяет «правовую составляющую особенностей доказывания при производстве дознания в сокращенной форме противоречащей основополагающим правилам не только теории доказательств, но и принципам самого уголовного судопроизводства» [13]. По мнению Б. Т. Безлепкина, различные упрощения, допущенные в работе по доказыванию в ускоренном досудебном производстве, теории доказательств не противоречат [5, с. 321].

Относительно выраженных в различных литературных источниках позиций следует заметить, что проблема правовой регламентации ускоренной и упрощенной, т. е. дифференцированной, процессуальной формы и включения ее в УПК РФ возникла на этапе значительного роста преступности в Российской Федерации. Основная нагрузка по расследованию многочисленных преступлений, в основном не относящихся к категории тяжких и средней тяжести, легла на МВД России, специализированные подразделения дознания. Значительный и ежегодный прирост работы по расследованию вызвал к жизни дилемму: наращивать штатную численность подразделений дознания, привлекая к решению этой задачи все большие объемы ресурсов, или вести поиск оптимизации и унификации процессуальной формы досудебного оформления материалов о преступлениях, максимально упростив саму процессуальную форму и максимально сохранив правовые гарантии и права участников. В дальнейшем МВД России и другими федеральными органами власти была разработана модель дознания в сокращенной форме, которая впоследствии в виде главы 32.1 была введена в УПК РФ. Главная идея унифицированной процессуальной формы – ее ускоренный и упрощенный характер. Кстати, с такими же «лекалами» к аналогичным формам полицейского дознания подходят в ведущих зарубежных странах, которым присуща допустимость отступления от ряда базовых принципов уголовного судопроизводства, в первую очередь – требований полноты и всесторонности расследования, некоторых других. Оценивая процессуальную форму дознания в сокращенной форме,

закрепленную в гл. 32.1 УПК РФ, как вполне адекватную общественным отношениям, сложившимся в вопросах противодействия многочисленным преступлениям небольшой и средней тяжести, следует отметить, что, с нашей точки зрения, законодатель не счел возможным более детально подойти к вопросам регламентации источников доказательств по делам, осуществляемым в форме дознания в ускоренной форме.

В частности, по таким делам доказательственная информация поступает из тех же источников, которые используются при производстве предварительного расследования.

Между тем в рамках ускоренного дознания вряд ли оправдано производство следственных действий, особенно таких, как судебные экспертизы, обыски, следственные эксперименты и некоторые другие, требующие временных и ресурсных затрат и ни в коей мере не соответствующие требованиям оптимизации: упрощения и ускорения.

При этом, конечно, законодатель предусмотрел изъятия из процедур процесса доказывания, применяемого при производстве предварительного расследования: непроведение повторных допросов; обязанность проведения только тех следственных и процессуальных действий, непроведение которых может повлечь утрату доказательственной информации; непроверку доказательств, если они не были оспорены другими участниками, и иные, что само по себе может восприниматься как самостоятельная для ускоренного дознания система доказывания.

Однако мы ведем речь об иной ситуации, аналогичной международным практикам, когда в рамках дознания в сокращенной форме была бы разработана и нашла отражение в законе своя, уникальная только для этой процессуальной формы система доказывания.

С учетом наших рассуждений уместно привести конкретный пример из законодательства, регламентировавшего уголовное судопроизводство в Российской империи. Так, о целях дознания говорится в п. 15 Инструкции Прокурора Московской Судебной Палаты г. Степанова от 15 октября 1909 г., вступившей в силу с 1 января 1910 г.: «По обязанности обнаруживать преступления чины полиции, получив заявления или сведения о совершении преступления, производят дознание для выяснения, совершено ли преступление и, если совершено, то какое, когда, кем и при каких обстоятельствах» [10]. Вполне лаконично и конкретно. Исходя даже из этого можно представить, что формулировка объема доказательств, кото-

рые требуется собрать по уголовному делу, рас- следуемому по процедуре ускоренного дознания, достаточна для данной процессуальной формы.

Пределы доказывания, процесс доказыва- ния как элементы системы работы с доказатель- ствами при производстве дознания в ускоренной форме законодателем также индивидуализи- рованы. С нашей точки зрения, они вполне обе- спечивают возможность применения данной процессуальной формы в практике органов до- знания. Кроме того, они во многом соответству- ют практике работы по доказыванию за рубежом, получившей обобщенное наименование поли- цейского дознания.

Однако, как известно, именно практика вы- ступает основным критерием истины. Поэтому и мы, насколько это сегодня позволяет статистиче- ская и фактологическая информация, проанали- зируем практическую компоненту нововведения законодателя пятилетней давности.

Очевидно, что в свое время протокольная форма досудебной подготовки материалов как унифицированная процессуальная форма, соста- вившая суть «милицейского дознания», явилась ответом законодателя на значительный прирост в России преступлений малозначительных, неболь- шой и средней тяжести, совершенных в услови- ях очевидности, которые зачастую именуются на практике «преступлениями в сфере общественной безопасности». Аналогичная ситуация сложилась и с процессуальной процедурой «дознания в со- кращенной форме». Достаточно высокий уровень в структуре преступности нетяжких, несложных по конструкции состава и очевидных по своей сути, криминальных проявлений вызвал к жизни запрос полиции на разработку учеными и законодателем инструмента, позволяющего эффективно осу- ществлять унифицированное досудебное произ- водство по названной категории уголовных дел.

Заполнило ли дознание в сокращенной фор- ме правовую нишу унифицированного досудеб- ного производства, которую до 1998 г. занимала протокольная форма досудебной подготовки ма- териалов?

Однозначно ответить на этот вопрос предстает- ся затруднительным, но следует отметить, что из года в год после введения в УПК РФ гл. 32.1 масштабы расследования дел в форме дознания в сокращенной форме возрастают, а качество таких процессуальных производств улучшается.

По данным статистики (форма 1-ЕМ) и фак- тической информации Управления дознания МВД России за 2018 г., подразделениями до- знания полиции в сокращенной форме дознания

окончено 92,6 тыс. уголовных дел, из которых 91 тыс. направлена прокурором в суд. Доля уско- ренных производств от общего числа уголовных дел, направленных дознавателями полиции в суд, достигла 28 % и только за последний год вы- росла на 2 %.

Конечно, в работе по производству дознания в сокращенной форме существуют и нерешенные проблемы: возросло на 9,7 % число дел, направ- ленных для производства дознания в общем по- рядке, а число дел, направленных для производ- ства дознания в общем порядке по ходатайству участников процесса, только за год возросло с 611 до 643. Однако названные проблемы являют- ся, что называется, болезнями роста.

Следует заметить, что если в начальный пе- риод введения в УПК РФ новеллы – дознания в сокращенной форме правоприменители отме- чали отсутствие единой политики в плане под- держки ускоренных производств между заинте- ресованными правоохранительными органами, к числу которых мы относим органы внутренних дел и прокуратуры, суд, то в настоящее время на уровне федеральных структур прокуратуры и органов внутренних дел выработана общая стратегическая линия – вектор, направленный на поддержку расширения практики унифициро- ванного дознания.

В первые месяцы после введения в УПК РФ дознания в ускоренной форме количество таких производств измерялось несколькими десятка- ми, а немного позднее – сотнями, и создавалось впечатление, что правоприменители получили из недр законодательных органов мертворожден- ный продукт.

Характерно, что и нами вскоре после введе- ния в УПК РФ главы о дознании в сокращенной форме также высказывались определенные про- гнозы, в том числе и скептические, по целому ряду особенностей принятой законодателем про- цедуры [8].

Тем важнее, что как сами дознаватели и их руководители, так и надзорные органы со време- нем выработали единые подходы к самой уско- ренной процедуре и толерантность к дознанию в сокращенной форме, ощутив ее преимущество по определенным группам преступлений. Стали практиковаться комплексные эффективные вы- езды на места представителей Управления по ор- ганизации дознания МВД России и Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

И, тем не менее, практику активного приме- нения ускоренных производств повсеместной назвать нельзя. Так, при среднероссийском по-

казателе в 28 %, скажем, если в МВД по Республике Крым доля дознания в сокращенной форме составила 66,3 %, Республике Адыгея – 59,2 %, УМВД по Тверской области – 57 %, то в УМВД по Курской области – 8,7 %, по Орловской области – 13,8 % [11].

Если в целом подвергнуть анализу ситуацию с распространенностью практики ускоренного дознания в Российской Федерации и принять за некий рубеж среднероссийский показатель (28 %), то увидим, что с результатами вышеуказанной нормы 2018 г. закончили 39 регионов, а ниже – 45. При этом в пределах от 20 до 30 % находятся подразделения дознания полиции 33 субъектов Российской Федерации. И только 3 территориальных органа (Курская, Ульяновская, Орловская) имеют показатели ниже 15 %. Полагаем, что именно на них в целях выработки единых подходов, и далее по возрастающей, должно быть направлено комплексное управленческое воздействие.

Среди основных причин низкой доли дознания в сокращенной форме в обзоре МВД России от 16 июня 2016 г. № 1/5615 выделены организационные проблемы и недостатки в деятельности территориальных органов внутренних дел, предложены меры по их устранению. Названные меры принесли свои результаты: если в апреле 2016 г. доля ускоренных производств в целом по России составляла 20,1 %, то в 2018 г. – 28 %.

Попытки проанализировать причины недостаточно активного применения дознания в сокращенной форме были предприняты, в частности, участниками круглого стола, прошедшего на базе Академии управления МВД России с привлечением научной общественности и практикующих юристов в ноябре 2011 г. [14], а также известным исследователем проблем досудебного производства профессором Б. Я. Гавриловым [7].

Очень вероятно, что принимаемые МВД России, Генеральной прокуратурой Российской Федерации и научной общественностью организационные и практические меры позволят в недалеком будущем добиться единообразного подхода к практике осуществления дознания в сокращенной форме на всей территории Российской Федерации, а также расширить масштабы таких процессуальных производств.

Известно, что руководством МВД России некий усредненный показатель в 30 % по России считается вполне достаточным. Однако возникает закономерный вопрос: из каких расчетов оно исходит, чем руководствуется? Причем низкие показатели в работе отдельных территориальных органов в своей основе имеют организационные

недостатки. Следовательно, норматив, взятый за основу, может быть установлен и более высоким, скажем, 50 % и даже выше, как это было на пике активности применения протокольной формы досудебной подготовки материалов.

Полагаем, что единственным ориентиром в этом вопросе может быть некий баланс – «пропускная способность» судов. Для ее выработки потребуется предметное исследование, задачей которого станет изучение вопросов предельных возможностей судов рассматривать дела, подготовленные в форме дознания в сокращенной форме, без ущерба для работы по делам других категорий. Возможно, такие нормативы будут носить региональный характер, возможно, – усредненный.

Подводя итог, отметим, что все вышесказанное позволяет сделать совершенно определенным вывод: правовая регламентация дознания в сокращенной форме в целом адекватна задачам, стоящим перед этим институтом, и отражает международные стандарты таких производств, как бы их ни воспринимали отдельные ученые и практики. Однако данную проблему нельзя воспринимать как исчерпанную, а исследования и разработки ученых, несмотря на удовлетворенность практических специалистов, необходимо продолжать, имея целью повышение эффективности унифицированных форм досудебного производства.

Список использованной литературы

1. Бадоян, С. М. Проблемные вопросы правового регулирования порядка осуществления дознания в сокращенной форме [Текст] / С. М. Бадоян // Криминалистическая тактика: современное состояние и перспективы развития : сб. материалов 56-Криминалистич. чтений. – Ч. 1. – М. : Академия управления МВД России, 2015. С. 55–56.
2. Белкин, А. Р. Дознание в упрощенной форме: сомнительная схема с усеченным доказыванием [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=8605> (дата обращения : 23.01.2019).
3. Белкин, А. Р. УПК РФ: конструктивная критика и возможные улучшения. – Ч. VII : возбуждение уголовного дела [Текст] / А. Р. Белкин. – 2-е изд., доп. – М. : МГУПИ, 2013. С. 19–22.
4. Безлепкин, Б. Т. Комментарий к УПК РФ: постатейный [Текст] / Б. Т. Безлепкин. – 13-е изд., пераб. и доп. – М. : Проспект, 2015.
5. Безлепкин, Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Фе-

дерации (постатейный) [Текст] / Б. Т. Безлепкин. – 14-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2018.

6. Волеводз, А. Особенности упрощенного (ускоренного) уголовного судопроизводства по законодательству некоторых европейских стран [Текст] / А. Волеводз, П. Литвишко // Государство и право. – Ереван, 2011. – № 1 (51). С. 21–36.

7. Гаврилов, Б. Я. Доктрина досудебного производства: настоящее и будущее [Текст] / Б. Я. Гаврилов // Российская юстиция. – 2018. – № 1. С. 5–8.

8. Гирько, С. И. Производство по уголовному делу дознания в сокращенной форме: прогнозы и суждения [Текст] / С. И. Гирько // Российский следователь. – 2013. – № 21. С. 2–5.

9. Доля, Е. А. Особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме [Текст] / Е. А. Доля // Российский судья. – 2013. – № 6. С. 43–46.

10. Инструкция чинам полиции по обнаружению и исследованию преступлений Прокурора Московской Судебной Палаты [Текст] : сборник и руководство к составлению полицейских протоколов с приложениями. Издание Юридического Книжного магазина И. И. Зубкова, под фирмой Законоведение. – СПб. : Литейный просп., 53, 1911.

11. Статистический отчет. Форма 1 ЕМ [Текст]. – 2018. – Январь–Декабрь.

12. Сумин, А. А. Сокращенное дознание: мертворожденное дитя реформаторов уголовного процесса [Текст] / А. А. Сумин // Адвокат. – 2013. – № 10.

13. Францифоров, Ю. В. Обеспечение прав и законных интересов участников процесса при производстве дознания в сокращенной форме [Текст] / Ю. В. Францифоров // Судебная власть и уголовный процесс. – 2015. – № 4. С. 146–150.

14. Юридический консультант [Текст] : ежемесячный информационно-практический журнал. – М. : ЮРМИС, 2012. – № 3.

References

1. Badoyan S. M. Kriminalisticheskaya taktika: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya : sb. materialov 56-Kriminalistich. chtenij (Forensic tactics: current state and development prospects: collection of materials 56-Forensic readings), part 1,

Moscow : Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2015, pp. 55–56.

2. <http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=8605> (January 23, 2019).

3. Belkin A. R. UPK RF: konstruktivnaya kritika i vozmozhnye uluchsheniya. Ch. VII: vzbuzhdenie ugovnogo dela (Code of Criminal Procedure: constructive criticism and possible improvements. Part VII: the initiation of criminal proceedings), Moscow : MGUPI, 2013, pp. 19–22.

4. Bezlepkina B. T. Kommentarij k UPK RF: postatejnyj (Commentary on the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: itemized), Moscow : Prospekt, 2015.

5. Bezlepkina B. T. Kommentarij k Ugolovno-protsessual'nomu kodeksu Rossijskoj Federatsii (postatejnyj) (Commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (article by article)), Moscow: Prospekt, 2018.

6. Volevodz A. Gosudarstvo i pravo (State and law), Yerevan, 2011, No. 1 (51), pp. 21–36.

7. Gavrilov B. Ya. Rossijskaya yustitsiya (Russian justice), 2018, No. 1, pp. 5–8.

8. Gir'ko S. I. Rossijskij sledovatel' (Russian investigator), 2013, No. 21, pp. 2–5.

9. Dolya E. A. Rossijskij sud'ya (Russian judge), 2013, No. 6, pp. 43–46.

10. Instruktsiya chinam politsii po obnaruzheniyu i issledovaniyu prestuplenij Prokurora Moskovskoj Sudebnoj Palaty : sbornik i rukovodstvo k sostavleniyu politsejskikh protokolov s prilozheniyami. Izdanie YUridicheskogo Knizhnogo magazina I. I. Zubkova, pod firmoyu Zakonovedenie (The instruction to police officers on the detection and investigation of crimes by the Prosecutor of the Moscow Judicial Chamber: a compilation and guide to the drafting of police reports with annexes. The publication of the Legal Bookshop I. I. Zubkov, under the firm Law), St. Petersburg : Litejnyj prosp., 53, 1911.

11. Statisticheskij otchet. Forma 1 EM (Statistical report. Form 1 EM), 2018, January–December)

12. Sumin A. A. Advokat (Lawyer), 2013, No. 10.

13. Frantsiforov Yu. V. Sudebnaya vlast' i ugovnyj protsess (Judicial Power and Criminal Procedure), 2015, No. 4, pp. 146–150.

14. Yridicheskij konsul'tant : ezhemesyachnyj informatsionno-prakticheskij zhurnal (Legal Consultant : monthly information and practical magazine), Moscow : YURMIS, 2012, No. 3.12.